

ВЛІЯНІЕ ЦЕРКВИ НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ*).

Сопоставленіе идей религіи и культуры есть сопоставленіе самое естественное. Это понятія соотнoсительныя, какъ и понятія культуры и національности. Культуры «индивидуальны», т. е. національны и даже конфессіональны. Оно и понятно: творецъ культуры — душа человѣка, а душа формируется подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ сложившейся религіи. Культура Тибета — буддійская, культура Новой Персіи — мусульманская, культура сѣверо-американскихъ Соед. Штатовъ — протестантская. Культура русская — культура православная. Недаромъ въ талантливомъ произведеніи молодыхъ лѣтъ профессуры П. Н. Милюкова, въ его «Очеркахъ по исторіи русской культуры» добрая половина II тома посвящена Церкви.

Слагаясь подъ воздѣйствіемъ и многихъ другихъ факторовъ — географическихъ, климатическихъ, этнографическихъ и т. д., подъ угломъ зрѣнія религіи, русская культура, какъ одна

---

*) Рѣчь, произнесенная 9 іюня въ Большомъ Амфитеатрѣ Сорбонны на праздникѣ «Дня Русской Культуры», устроенномъ Академической Группой и Академическимъ Союзомъ. Этимъ объясняется сжатый характеръ изложенія проекта, ибо авторъ былъ стѣсненъ 15-ти минутнымъ срокомъ.

изъ культуръ восточно-европейскихъ, родилась въ тотъ моментъ, когда Владимиръ Святой, послѣ долгихъ размышленій и борьбы конкурирующихъ вліяній, сознательно избралъ византійскую крещальную купель и въ нее онъ рѣшительно привелъ и весь русскій народъ. Это былъ моментъ опредѣляющій, провиденціальныи для всей нашей исторіи. И по мистическому ученію церкви крещеніе есть «неизгладимая печать», и «фактически душа русскаго народа какъ будто случайно, какъ будто сверху и по государственному принужденію крещена, но стала исторически «запечатлѣнной» православіемъ. Князь «Красное Солнышко» такимъ образомъ сформулировалъ коллективную историческую душу народа и сталъ истиннымъ отцомъ — родителемъ нашей культуры. Подавляемые культурными успѣхами Запада, нѣкоторые изъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ сомнѣвались въ положительномъ значеніи дѣла св. Владимира и даже, какъ парадоксально смѣлый Чаадаевъ считали, его нашимъ несчастнымъ рокомъ. Въ противоположность имъ, не смущаясь никакими внутренними трагедіями нашей культуры и, наоборотъ, видя въ нихъ знаменіе великаго призванія —

per aspera ad astra — мы признаемъ восточную купель св. Владимира не проклятіемъ, а благословеніемъ нашей исторіи. И въ томъ, что, въ отличие отъ другихъ національно-настроенныхъ народовъ, мы ни культурно, ни даже церковно не имѣемъ особаго національнаго почитанія нашего крестителя, мы видимъ признакъ незрѣлости нашего національнаго самосознанія.

Не оторвалась Русь отъ восточнаго типа христіанства подъ ударомъ монгольскаго нашествія, какъ ни заигрывали галицко-волинскіе князья съ Западомъ.

Не пошла она и за своей Водительницей Византіей въ XV вѣкѣ на унію съ Римомъ, когда вел. кн. Московскій Василій Васильевичъ въ 1441 г., предвосхищая и выражая общественное мнѣніе своей страны, арестовалъ и изгналъ принесшаго унію митрополита — Грека Исидора. Это отверженіе московской Русью флорентійской уніи, по вѣрной характеристикѣ нашего историка Соловьева, «естъ одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбу народовъ... Вѣрность древнему благочестію, провозглашенная вел. кн. Васи́лемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверо-восточной Руси въ 1612 г., сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великой, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными

народами Балканскаго полуострова». Мысль историка бѣжитъ по чисто политической линіи. Но параллельно и по линіи культурнаго интереса мы должны отмѣтить моментъ отказа отъ уніи, какъ моментъ ведущій за собой цѣлую эпоху. Послѣ этого внутреннее отъединеніе русскаго міра отъ Запада, подъ воздѣйствіемъ вспыхнувшей мечты о Москвѣ — Третьемъ Римѣ, уже твердо закрѣпило особый восточно-европейскій характеръ русской культуры, котораго не стерла ни внѣшне, ни тѣмъ болѣе внутренно, великая западническая реформа Петра Великаго.

Такъ проведена была церковью и вѣроисповѣданіемъ грань, черта, иногда углублявшаяся какъ ровъ, иногда возвышавшаяся какъ стѣна, вокругъ русскаго міра, въ младенческой и отроческой періодъ роста національной души народа, когда успѣли въ ней крѣпко залечь и воспитаться отличительныя свойства ея «коллективной индивидуальности» и ея производнаго — русской культуры. Таково, такъ сказать, онтологическое вліяніе Церкви на русскую культуру.

Другое, всѣмъ извѣстное воздѣйствіе русской церкви, касается еще не самой сердцевины культуры, но ея важной составной части—во-первыхъ, и ея мощнаго условія — во-вторыхъ. Разумѣемъ воспитаніе Церковью, на основѣ восточно-каноническаго и, въ частности, византійскаго ученія о православномъ царствѣ, русской государственной власти въ духѣ теократическаго самодержавія, глубоко измѣненнаго затѣмъ Петромъ В. и перешедшаго съ той поры въ значи-

тельной мѣрѣ въ свѣтскій абсолютизмъ. Процессъ этого церковнаго воспитанія власти прекрасно изображенъ въ трудѣ покойнаго академика Дьяконова: «Власть московскихъ государей».

И надо правду сказать, что наша верховная власть была мощнымъ культуртрегеромъ для своихъ подданныхъ. Въ странѣ первобытно земледѣльческой и только церковно-грамотной наши цари и императоры, по побужденіямъ государственной обороны и государственнаго престижа, насаждали при помощи иностранныхъ мастеровъ и высокую технику, и высокое искусство, и потребную науку. Культура была насажденіемъ сверху. Но только благодаря этому, такъ сказать, аристократическому методу культуры, Россія и была, по слову поэта «вздернута на дыбы» и дала эффектъ догона старшихъ европейскихъ собратьевъ, эффектъ Ломоносова, Пушкина, Достоевскаго, Толстого, т. е. эффектъ не только европейски равной, но и міровой культуры. Разъ достигнутый міровой уровень культуры теперь сталъ уже надежной опорой для дальнѣйшихъ стремленій. Теперь есть по чему равняться поднимающимся широкимъ демократическимъ силамъ. Въ культурѣ вѣдь главное — не въ экстенсивности, а въ интенсивности.

Рядъ частныхъ сторонъ государственнаго, правового и социальнаго строя древней Россіи открылъ на себѣ вліяніе образцовъ и идей византійской церковности. Блестящій анализъ этой матеріи въ примѣненіи къ домонгольскому періоду далъ Ключевскій, показавшій, какъ преобразовывалось по Номоканону

наше право — уголовное, гражданское, имущественное, обязательственное, семейное, брачное, какъ возвышалась женщина, какъ таяла холопская неволя, обуздывалась кабала ростовщичества и т. п. Анализъ Ключевскаго примѣнимъ въ извѣстной мѣрѣ и ко всей старорусской эпохѣ: и къ Судебнику Ивановъ III и IV-го и даже къ Уложенію Алексѣя Михайловича. Правда, въ этой полосѣ византійскихъ вліяній есть и обратная сторона: — напр., внесеніе къ намъ карательной жестокости, вмѣсто прежняго битья по карману. Всѣ знаютъ, какъ епископы убѣждали «пласковаго князя» Владимира ввести смертную казнь для уголовныхъ.

Роль церкви огромна и въ области матеріальной культуры, въ сферѣ народно-хозяйственной и государственно-колониальной. Церкви и особенно монастыри, обеспеченные въ древней Руси почти единственной тогда натуральной валютой — земельными угодьями, приняли гигантское участіе въ хозяйственномъ строеніи русской земли наряду со всѣми служилыми и тяглыми классами населенія. Они колонизовали пѣсные дебри и болота, подымали земельную новь, насаждали промыслы и торговлю. Къ XVI в. церквамъ и монастырямъ принадлежала одна треть всей государственной территоріи съ правами судить и рядить сидѣвшее на ней населеніе, хозяйствовать, собирать подати и поставлять рекрутовъ. Это было раздѣленіе съ центральной властью труда государство-ванія, это былъ какъ бы особый громадный удѣлъ или штатъ въ общемъ тѣлѣ

государства. То специфическое, что въ связи съ этимъ дѣлали церковныя силы, заключалось не въ хозяйствованіи и государствованіи, а въ христіанизациі и черезъ то руссификаціи инородцевъ, стоявшихъ на низшей ступени культуры въ сравненіи съ христіанской Россіей.

Но самое специфическое, самое прямое и въ то же время универсальное вліяніе Церкви, конечно, относится къ области просвѣщенія и воспитанія народнаго міровоззрѣнія, т. е. къ самой душѣ культуры. Это для Россіи фактъ общій не только со всѣмъ средневѣковымъ Западомъ, но и съ многими странами Востока. Вѣра и культъ требовали минимальной грамотности, книжности и искусства и при томъ въ широкихъ общенародныхъ масштабахъ. Школа, книга и наука были столѣтіями почти исключительно церковными. И все литературное и умственное творчество или было прямо церковнымъ или проникнуто церковнымъ духомъ. Міръ другіхъ искусствъ, доступныхъ древней Руси, также естественно былъ почти всецѣло міромъ религиознымъ. На алтарь церковнаго культа принесены были всѣ усилія меценатовъ и творцовъ. Архитектура, живопись и музыка воплотились въ памятникахъ чисто церковныхъ. Здѣсь исторія русскаго національнаго искусства почти совпадаетъ съ церковной археологіей. Міровой вершиной достижений въ этой сферѣ является наша древне-русская икона — шедевръ мистически чарующей неземной красоты.

Къ просвѣщенію церковному привившему народу элементъ общей культуры,

присоединялось и все разнообразіе чисто духовныхъ, въ собственномъ смыслѣ религиозныхъ вліяній церкви на совѣсть и душу націи. Воспитательный результатъ этихъ просвѣтительныхъ и духовническихъ вліяній церкви отложился въ православномъ интимномъ ликѣ русской народной души. Она пропиталась главными стихіями православія: аскетизмомъ, смиреніемъ, сострадательнымъ братолюбіемъ и эсхатологической мечтой о праведномъ, сіяющемъ умной красотой градѣ Божіемъ.

Эта робкая душа, напуганная злобщей западно-русской уніей 1591 г. въ Брестѣ-Литовскѣ (роковой городъ въ исторіи Россіи!), угрозой латинства въ смутное время и надвигающейся волной латино-польской культуры при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, метнулась въ расколъ старообрядчества, убѣжала въ лѣса и подполье и закрѣпилась тамъ подъ впечатлѣніями совершенно чуждой и жуткой для нея стихіи Петровской реформы и новаго европейскаго просвѣщенія. Дѣтски искреннее чутье этой души не обмануло ее. Съ Петромъ пришло на Русь и воцарилось на ней совершенно иное просвѣщеніе, идущее отъ иного корня, имѣющее иное основаніе. Тамъ... цѣлью было небо, здѣсь земля. Тамъ законодателемъ былъ Богъ, здѣсь автономный человекъ съ его мощью научнаго разума. Тамъ критеріемъ поведения было мистическое начало грѣха, здѣсь — хотя и утонченная, но въ концѣ концовъ утилитарная мораль общежитія. Петръ сдѣлалъ Россіи прививку великихъ переживаній Возрожденія и

Гуманизма и она блестяще удалась. Через 50 лѣтъ мы имѣли русскую Академію Наукъ въ лицѣ Ломоносова, а черезъ 100 лѣтъ — Пушкина. Пушкинъ какъ зачарованный близнецъ, какъ двойникъ-солнце, всѣмъ существомъ былъ устремленъ къ Петру. Онъ выявилъ этимъ свое мистическое сродство съ Прометеевскимъ, человѣческимъ, только человѣческимъ гениемъ Петра. Пушкинъ былъ величайшимъ изъ птенцовъ гнѣзда Петрова, адекватнымъ порождениемъ его неосознанной гуманистической религіи. Петръ мечталъ дать Россіи европейскую интеллигенцію, и онъ далъ ее въ лицѣ Пушкина. Въ Пушкинѣ свершились всѣ пріобрѣтенія Возрожденія и вѣка Просвѣщенія. Онъ сталъ непререкаемымъ и неотмѣняемымъ доказательствомъ европейской природы и европейскаго призванія русскаго гения. Ни мелкіе и завистливые враги послѣдняго на Западѣ, ни свои услужливые медвѣди послѣ Пушкина не въ силахъ увести насъ изъ Европы. Кто то большій могъ бы это сдѣлать (если бы это было для чего-то нужно), но говорить объ этомъ смѣшно.

Въ Пушкинѣ для русской культуры зафиксированъ не только русскій языкъ какъ орудіе культуры мірового калибра.

Въ немъ зафиксировался самый духъ европейской секуляризаціи. Пушкинъ это свѣтскій, въ классической чистотѣ лаическій гений. Съ этой стороны европейцы его не чувствуютъ и не примѣчаютъ, какъ не примѣтенъ и прозраченъ воздухъ, который насъ объемлетъ, такъ Пушкинъ конгеніаленъ европейскому лаицизму. Съ этой стороны Пушкинъ сталъ

навсегда закрѣпленіемъ и свѣтскости русской культуры, олимпійски совершеннымъ носителемъ паеоса Возрожденія, неповторимымъ, какъ и вообще неповторимъ паеосъ возрожденія въ XX вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ есть какъ знаменательное начало нашего европеизма, такъ и нѣкоторый конецъ этого неповторимаго стиля.

Уже у современниковъ Пушкина — Лермонтова и Гоголя—слышны инья, саднящія ноты въ творествѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ этихъ диссонансовъ больше во всѣхъ духовно-культурныхъ переживаніяхъ русскаго интеллектуальнаго слоя. Есть, конечно, въ литературѣ и пушкинская линія. Ее можно различно пролагать черезъ Фета, Тургенева, Чехова до Куприна и Бунина. Но конфликтъ Гоголя и Бѣлинскаго открылъ серію моральныхъ драмъ и страстной борьбы въ душѣ русской интеллигенціи и ея корифеевъ-творцовъ. Въ разныхъ измѣреніяхъ, въ разной постановкѣ — все зремя, русскую культуру, ея духовную глубину будоражатъ трагическіе, прозванные «проклятыми», вопросы. Изъ области чистой мысли, гдѣ ихъ воплощаютъ Толстой и Достоевскій, они бурями проносятся надъ областями общественности и политическаго идеализма. Трагизмъ, кричащій трагизмъ, охватываетъ русскую интеллигентную душу. О классической безоблачности Пушкина нѣтъ и помину. Съ ней прямо враждуетъ, какъ съ чѣмъ то чужимъ, сначала гимназически-раціоналистическая писаревщина, а затѣмъ сектантски моралистическое народничество, да по пути и толстовство.

Царственное спокойствіе Пушкинскаго культуроносительства и вмѣстѣ съ нимъ косномедлительное государственное культуроносительство вызываютъ фанатическую вражду въ цѣлыхъ поколѣніяхъ душъ, алчущихъ безмѣрной правды соціальной, жаждущихъ освѣщающихъ катастрофъ и революцій и вѣрующихъ въ апокалипсисъ совершенно новой жизни на землѣ съ утѣшеніемъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Стремятся къ этому героически, аскетствуя внутренно и даже по внѣшности, истаеая отъ альтруизма, жертвуя личнымъ благополучіемъ за счастье меньшей братіи.

Что все это, какъ не знакомыя намъ существенныя черты воспитанной древнерусскимъ Православіемъ русской національной души. Это ея — аскетизмъ, смиреніе, сострадательная любовь и исканіе града нездѣшняго въ своеобразномъ преломленіи сквозь новое внѣрелигіозное, свѣтское европейское міровоззрѣніе. Она вырвалась изъ подъ спуда эта тысячелѣтняя оправославленная русская душа и запечатлѣла своимъ трагически мистическимъ, почти апокалиптическимъ тономъ всю новую русскую культуру, чѣмъ и привлекаетъ къ себѣ подсознательно вниманіе всего міра, какъ что-то необычайное, какъ нѣкая музыка будущаго (Шпенглеръ, Графъ Кейзерлингъ).

Отдавъ свои огненные, пылкіе элементы предъ реформой Петра старообрядческимъ захолюстьямъ и тайникамъ нѣсколько обезсиленная русская православная душа раздавлена была превосходящей системой Новаго просвѣщенія. Она даже не могла не эволюционировать

внѣшне подъ воздѣйствіемъ Просвѣщенія. Православіе новой латино-схоластической школы, новыхъ храмовъ и живописи въ стилѣ барокко и ренессанса, новой оперной музыки, свѣтское, государственное православіе, встревоженное научно-протестантскими проблемами, модернизированное задачами внутренней миссіи. Вотъ результатъ этой эволюціи.

Одновременно съ этимъ православіе на своей не захватываемой историческимъ и культурнымъ движеніемъ глубинѣ, оставалось, конечно, кристально законченнымъ и неподвижнымъ и не принимало въ себя новаго стиля. Типы русскихъ святыхъ, этихъ точныхъ зеркалъ максимальнаго православія и въ XVIII и въ XIX вѣкѣ, ничѣмъ по существу не отличались отъ героевъ киевопечерскаго подвижничества XI вѣка. Преподобный Серафимъ и Пушкинъ современники, но другъ друга не знавшіе и другъ въ другѣ не нуждавшіеся. Какъ бы жители двухъ разныхъ планетъ. Это ли не доказательство внѣправославности Пушкина?!

Но отмѣченныя судьбы русской православной души въ послѣднія вѣка русскаго европеизма относятся къ сферѣ спеціально церковной. Мірская православная душа, какъ бы проживъ въ молчаніи и недоумѣніи XVIII вѣкѣ, вѣкѣ своей учёбы, получивъ внѣшній аттестатъ зрѣлости, начала давать себя чувствовать и на поверхности культурнаго творчества. Чужестранный мистицизмъ конца XVIII и начала XIX в. былъ только подготовительной школой. Въ 40-е годы уже начинается прорывъ свѣтско-православна-

го творчества. Геніально богословствуетъ Хомяковъ и сгораєтъ отъ изверженія аскетическаго вулкана изъ его православной души Гоголь. Язычески чарующій Пушкинъ магіей своего совершенства какъ бы закупорившій всѣ возможности для православной мистики, словно напугалъ православныя души послѣднимъ удушеніемъ. И онѣ взбунтовались и вырвались изъ своей глубины, завопіяли *de profundis*. Достоевскій смолоду возненавидѣвшій живого Бѣлинскаго, за его антиправославіе, преклонился однако предъ Пушкинымъ. Почему? Да потому, что Достоевскій былъ не просто стильнымъ православнымъ, а православнымъ новаго стиля, «розовымъ христіаниномъ» по злой характеристикѣ К. Леонтьева, пророчески дерзновенно соединившимъ въ своей совѣсти человѣческую правду культуры и божественную правду христіанства. Онѣ призналъ Пушкина, ибо Пушкинъ внѣправославенъ, но не антиправославенъ. И у Достоевскаго, поднявшаго русскій творческій синтезъ на необычайную высоту, сочетавшаго православныя основы своей души съ высшими и подлинными цѣнностями европейской культуры, нашлись силы восторженно возрадоваться и поклониться Пушкину, ибо Пушкинъ далъ намъ живое слагаемое для искомаго синтеза. Безъ него не къ чему было бы приложить то православное содержаніе, которое Достоевскій носилъ въ душѣ для міровыхъ, а не узко конфессіональныхъ цѣлей. Толстой уже не вынесъ этой задачи синтеза. Онѣ пожертвовалъ культурой, а съ ней и Пушкинымъ. Его

разъѣла уксусная кислота аскетизма и состраданія, безъ надлежащаго въ православномъ смыслѣ смиренія и мистики апокалипсиса. Творчество Толстого сложилось также на внутреннемъ землетрясеніи православной стихіи его души, только осложненной свойственнымъ русскому типу раціонализмомъ. Вл. Соловьевъ, синтетикъ и модернизированный христіанинъ уже не гармонировалъ душой съ Пушкинымъ, потому что возглавлялъ современное намъ поколѣніе культурныхъ работниковъ, параллельно съ лаическими культурниками, сознательно и планомерно взявшихъ за синтезъ православія и современности. Богословскому уму Соловьева слишкомъ уже ясны языческіе корни драмы Пушкина, возвратъ къ которому совершенно закрытъ для эпигоновъ соловьевства.

Не просто православные резонансы, а уже специальное православное теченіе въ русской культурѣ, въ ряду другихъ теченій, настолько сильно и талантливо сложилось до революціи, и сейчасъ имѣетъ свое продолженіе и своихъ послѣдователей, что умѣстенъ вопросъ о его судьбѣ въ новой освобожденной Россіи.

Будетъ ли русская культура религіозной въ смыслѣ Гоголя, Толстого, Достоевскаго, Вл. Соловьева, С. и Е. Трубецкихъ, Леонтьева, Розанова, Мережковскаго, Бердяева, Новгородцева? Какое же можетъ быть въ томъ сомнѣніе? Развѣ мы Иваны Непомнящіе? Но это не значитъ, что русская земля превратится въ принудительный, охраняемый полиціей, православный монастырь. Нѣкоторые наши молодые націоналисты, не

зная науки и опыта прошлаго, грезять о конфессіональной государственности. Это кошмаръ, къ счастью просто невозможный въ атмосферѣ современности и прямо кошунственный съ христіанской точки зрѣнія.

Будетъ просто свободное соревнованіе на поприщѣ культурнаго творчества, талантовъ и группъ православныхъ, иначе вѣрующихъ и невѣрующихъ.

И позвольте мнѣ лично, какъ православному, высказать въ заключеніе на-

дежду, что мы въ этомъ конкурсѣ побѣдимъ. Доказательство? Оно уже есть. Когда нить аскетическаго православнаго идеализма, какъ нѣкое отрицательное электричество проведена была отъ XVII в. подъ спудомъ XVIII къ полозинѣ и концу XIX-го и соединилась съ нитью положительнаго электричества, идущей изъ Европы черезъ Петра и Пушкина, — вы сами знаете, какой это взрывъ свѣта и блеска!

А. КАРТАШЕВЪ.